

ОДИН
БУНТА

УМЕР П. Н. ОРЛЕНЕВ

М. «Вечерняя Москва» 2/IX 32

В ночь на 31 августа в больнице клиники 1 МГУ от рака правого легкого скончался народный артист республики П. Н. Орленев.

Вчера, по постановлению Наркомпроса, создан общественный комитет по проведению похорон под председательством П. И. Новицкого. В состав комитета вошли народные артисты: Блюменталь-Тамарина, Нежданова, Яблочкина, братья Адельгейм, Качалов, Москвин, проф. Голованов, заслуженные артисты: Пашенная, Нароков, Головин, Дорошевич. От ЦК рабиса — Пашковский и Горский, от Мосообрабиса — Геродинский и Пимитько, Дальцев и Федоров (Малый театр).

Тело покойного будет перевезено 4 сентября из анатомического театра и помещено в колонном зале ВЦСПС (Солянка, 12, Дворец труда, подъезд № 1).

С 11 ч. утра 4 сентября — почетные караулы и прохождение колонн всех московских театров и различных организаций.

В 3 ч. дня гражданская панихида. Вынос тела в крематорий в 4 ч. дня. В 5 ч. 30 м. — кремация.

НА СМЕРТЬ П. ОРЛЕНЕВА

Еще один задуматься заставил,
Еще один... увы, какая жуть!..
Забит и одинок... Орленев Павел
Закончил жизненный тяжелый путь..
Твой Достоевский, Ибсен... Их ге-
роев
Ты поднимал до высоты небес...
И вот, всю жизнь свою искомкав и
расстроив,
Ты сам, как «привидение», исчез!..
Не надо слез и горестей напрасных,
Вернуть нельзя, что ты с собой
унес..
Но память о тебе и образах пре-
красных
Живет у нас в сердцах... Не надо
слез..
Заслуженный артист республики
Б. С. БОРИСОВ

Орленев прожил беспорядочную, восторженную и печальную жизнь. Хотя он стоял особняком в дореволюционном театре, он тем не менее был одной из наиболее характерных и ярких фигур удрученной эпохи царской России. Он был одним из тех скитающихся актеров, которые не нашли себе длительного места ни в одном из постоянных театров и являлись в них только недолгими гостями.

Орленев предпочел мимолетному и быстропроходящему репертуару постоянное ородажничество, играя тот репертуар и те пьесы, которые казались ему нужными и важными. Ради раскрытия своей личной индивидуальности он бежал из столицы в провинцию и там дарил себя расточительно и щедро, беспощадно к самому себе, ради своей идеи о театре, не задумываясь ни над личным благополучием, ни над своим будущим.

* Дореволюционный театр не дал ему твердой опоры. Он тосковал и мзтался, переходя от надежды к отчаянию и от успехов к неудачам. Противоречия отметили его жизненный путь.

Судьба его была не случайна, и он действительно не мог вместиться ни в репертуар Рыжкова и Арцыбашева, ни подчиниться господствующим приемам игры.

Он мечтал об идеалистическом, светлом театре и о коллективе, который был бы объединен общей идеей и в котором не были бы даже обозначены имена участвующих в нем актеров. А в действительности он принужден был распылять, ставя свое имя в красную строку и участвуя в случайных спектаклях со случайным сборищем актеров.

Он мечтал о народном театре, в который приходили бы массы рабочих и крестьян, но все его опыты разбивались о фактическую невозможность осуществления этой мечты и отсутствие материальной базы.

Он мечтал о высоком звании актера-учителя, который нес бы зрителю не узко эстетические ценности и не утешительное развлечение.

Он знал очень большую славу, и имя его было широко известно не только в России, но и за границей, куда он ездил на гастроли и где его сопровождала та же постоянная смена коротких удач и разрушительных катастроф. И потому вслед за блестящими творческими подъемами наступали полосы внутреннего опустошения и отчаяния, но он уже не мог отказаться ни от своих случайных трупп, ни от безвкусной и раздражающей обстановки полужурнальных спектаклей, ни от всего бытового окружения, в котором парствовали богемы и разгул.

Между тем ему было много дано — подлинный темперамент, и подкупающая лирика, и богатство голоса, и та взволнованная напряженность и тревога, которые делали его одним из наиболее любимых актеров мелкобуржуазной, мятущейся и потерянной интеллигенции. И насколько была противоречива его судьба, — которая в конце концов была судьбой удрученного эпохой художника, — настолько противоречивы были и его образы, которые он создавал с напряженной нервной силой и волнением.

Противоречия действительности и мечты были его постоянной темой. Даже свои наиболее оптимистические роли он пронизывал нотой мучительности. Не напрасно его любимым автором был любимый автор русской интеллигенции — Достоевский. О его Дмитрии Карамазове Горький сказал, что поразительно в его игре соединение ребенка со зверем.

В тех или иных вариантах он повторял постоянно этот образ. Его увлекали психологические падения человека, и он останавливался на них с пристальным вниманием. Он выработал свой особый стиль игры, которому стали подражать его многочисленные эпигоны. Он был предшественником неврастеников на сцене, неизмеримо более глубоким и оригинальным, чем его подражатели.

Он так и не нашел выхода. Его специфический индивидуализм был осужден на крушение. Тема одиноких людей в его творчестве не получила разрешения. Таковы одинокими остались его образы

в которых он внезапными вспышками темперамента, нервными модуляциями прекрасного, немного глуховатого голоса, капризной переменной настроен передавал свою основную тему.

Предельно честный, он не хотел мог изменить своему делу. В своем жении театру он был искренен до па. И хотя он безотчетно жаждал вернуть господствовавший бурный театр, он не мог этого сделать конца, потому что его сценический был бунтом талантливого одиночка более.

Подлинное признание принесла только революция. Но было уже поздно. Несмотря на свои сравнительно молодые годы (ему было в 1917 году 35), он вошел в революцию уже надломленным, усталым и опустошенным. Не хватало сил для нового творчества. Он пополнял свой репертуар только одной-двумя ролями, в которых не был состоянием до конца выразить свой страстнейший в долгих скитаниях и беспорядочной жизни талант.

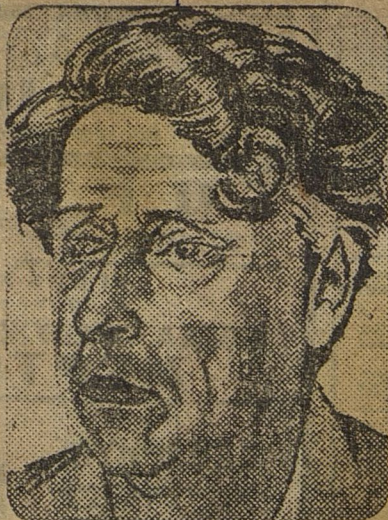
Но звание народного артиста он получил не напрасно: от него сотни тысяч зрителей глухих уголков России в часы его настоящего и ответственного творчества получали большое и глубокое искусство, столь отличное от того, которое они обычно видели в их постоянных театрах.

Память об Орленеве останутся и взволнованные воспоминания, и впечатления современников, и его книга «Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева», написанная им самим, со всей беспощадностью раскрывающая противоречивый облик этого замечательного актера, предельно честного человека и заблудившегося художника.

П. А. МАРКОВ

2/X-1932г.

Вечерняя Москва 2 год и месяц не вышло

ОДИНОКИЙ БУНТАРЬ П. Марков

УМЕР П. Н. ОРЛЕНОВ

В ночь на 31 августа в больнице клиники 1 МГУ от рака правого легкого скончался народный артист республики П. Н. Орленев.

Вчера, по постановлению Наркомпроса, создан общественный комитет по проведению похорон под председательством П. И. Новицкого. В состав комитета вошли народные артисты: Блюменталь-Тамарина, Нежданова, Яблочкина, братья Адельгейм, Качалов, Москвин, проф. Голованов, заслуженные артисты: Пашенная, Нароков, Головин, Дорошевич. От ЦК рабиса — Пашковский и Горский, от Мособлрабиса — Городинский и Шмитко, Далец и Федоров (Малый театр).

Тело покойного будет перевезено 4 сентября из анатомического театра и помещено в колонном зале ВЦИОС (Солянка, 12, Дворец труда, подъезд № 1).

О 11 ч. утра 4 сентября — почетные караулы и прохождение колонн всех московских театров и различных организаций.

В 3 ч. дня гражданская панихида. Вывоз тела в крематорий в 4 ч. дня. В 5 ч. 30 м. — кремация.

НА СМЕРТЬ П. ОРЛЕНОВА

Еще один задуматься заставил,
Еще один... увя, какая жуть!..
Забит и одинок... Орленев Павел
Закончил жизненный тяжелый путь..
Твой Достоевский, Ибсен... Их ге-
роев
Ты поднимал до высоты небес..
И вот, всю жизнь свою ископав и
расстроив,
Ты сам, как «привидение», исчез!..
Не надо слез и горестей напрасных,
Вернуть нельзя, что ты с собой
унес..
Но память о тебе и образах пре-
красных
Живет у нас в сердцах... Не надо
спез..

Заслуженный артист республики
Б. С. БОРИСОВ

Орленев прожил беспорядочную, восторженную и печальную жизнь. Хотя он стоял особняком в дореволюционном театре, он тем не менее был одной из наиболее характерных и ярких фигур удрученной эпохи царской России. Он был одним из тех скитавшихся актеров, которые не нашли себе длительного места ни в одном из постоянных театров и являлись в них только недолгими гостями.

Орленев предпочел мимолетному и быстропроходящему репертуару постоянное бродяжничество, играя тот репертуар и те пьесы, которые казались ему нужными и важными. Ради раскрытия своей личной индивидуальности он бежал из столицы в провинцию и там дарил себя расточительно и щедро, бесопашно к самому себе, ради своей идеи о театре, не задумываясь ни над личным благополучием, ни над своим будущим.

Дореволюционный театр не дал ему твердой опоры. Он тосковал и метался, переходя от надежды к отчаянию и от успехов к неудачам. Противоречия отметили его жизненный путь.

Судьба его была не случайна, и он действительно не мог вместиться ни в репертуар Рыжкова и Арцыбашева, ни подчиниться господствующим приемам игры.

Он мечтал об идеалистическом, светлом театре и о коллективе, который был бы объединен общей идеей и в котором не были бы даже обозначены имена участвующих в нем актеров. А в действительности он принужден был распродировать, ставя свое имя в красную строку и участвуя в случайных спектаклях со случайным сборищем актеров.

Он мечтал о народном театре, в который приходили бы массы рабочих и крестьян, но все его опыты разбивались о фактическую невозможность осуществления этой мечты и отсутствие материальной базы.

Он мечтал о высоком званнии актера-учителя, который нес бы зрителю не узко эстетические ценности и не утешительное развлекательство.

Он знал очень большую славу, и имя его было широко известно не только в России, но и за границей, куда он ездил на гастроли и где его сопровождала та же постоянная смена недолгих удач и разрушительных катастроф. И потому вслед за блестящими творческими подвигами наступали полосы внутреннего опустошения и отчаяния, но он уже не мог отказаться ни от своих случайных трупп, ни от безвкусной и раздражающей обстановки полухалтурных спектаклей, ни от всего бытового окружения, в котором царствовали бегота и разгул.

Между тем ему было много дано — и подлинный темперамент, и подкупающая лирика, и богатство голоса, и та взволнованная напряженность и тревога, которые делали его одним из наиболее любимых актеров мелкобуржуазной, мятущейся и потерянной интеллигенции. И насколько была противоречива его судьба, — которая в конце концов была судьбой удрученного эпохи художника, — настолько противоречивы были и его образы, которые он создавал с напряженной червонной силой и волнением.

Противоречия действительности и мечты были его постоянной темой. Даже свои наиболее оптимистические роли он пронизывал нотой мучительности. Не напрасно его любимым автором был любимый автор русской интеллигенции — Достоевский. О его Дмитрии Карамазове Горький сказал, что поразительно в его игре соединение ребенка со зверем.

В тех или иных вариантах он повторял постоянно этот образ. Его увлекали психологические падения человека, и он останавливался на них с пристальным вниманием. Он выработал свой особый стиль игры, которому стали подражать его многочисленные эпигоны. Он был предшественником неврастеников на сцене, неизмеримо более глубоким и оригинальным, чем его подражатели.

Он так и не нашел выхода. Его сценический индивидуализм был осужден на крушение. Тема одиноких людей в его творчестве не получила разрешения. Такими одиноками остались его образы, в которых он выражал свои противоречия темперамента, нервными модуляциями прекрасного, немного глуховатого голоса, капризной переменой настроений передавал свою основную тему.

Предельно честный, он не хотел и не мог изменить своему делу. В своем служении театру он был искренен до конца. И хотя он безотчетно жаждал отвергнуть господствовавший буржуазный театр, он не мог этого сделать до конца, потому что его сценический бунт был бунтом талантливого одиночки, не более.

Подлинное признание принесла ему только революция. Но было уже поздно. Несмотря на свои сравнительно молодые годы (ему было в 1917 году менее 50), он вошел в революцию уже надломленным, усталым и опустошенным. Ему не хватало сил для нового творчества. Он пополнял свой репертуар только одной-двумя ролями, в которых не был в состоянии до конца выразить свой страстный в долгих скитаниях и беспорядочной жизни талант.

Но звание народного артиста он получил не напрасно: от него сотни тысяч зрителей глухих уголков России в часы его настоящего и ответственного творчества получали большое и глубокое искусство, столь отличное от того, которое они обычно видели в их постоянных театрах.

Памятью об Орленеве останутся и разволнованные воспоминания, и впечатления современников, и его книга «Жизнь и творчество русского актера Павла Орленова», написанная им самим, со всей беспощадностью раскрывающая противоречивый облик этого замечательного актера, предельно честного человека и заблудившегося художника.

213